

Глава 34

Чжао Мин

Тебе и впрямь гореть в аду

— «Разбилось — на счастье».

Грохот ящика с разбитыми стаканами заставил Чжао Мина вздрогнуть. Лю Шэн, утерев пот со лба висевшим на шее полотенцем, лишь со смехом махнул рукой:

— Пустяки, не бери в голову. Подумаешь, пара стекляшек.

Мужчина уже сидел на корточках, осторожно, своими грубыми мозолистыми ладонями собирая осколки в коробку. Он двигался так бережно, словно боялся причинить им боль, и даже не заметил, как порезал пальцы.

Глядя на него, Лю Шэн не выдержал и расхохотался:

— Да брось ты! Всё равно ведь вдребезги!

— Но это же наша первая партия, — Чжао Мин смутился и привычно, по-доброму виновато улыбнулся другу.

Ему было нестерпимо обидно за собственную неловкость. Это был их первый товар на складе, и потеря целого ящика жгла сердце.

В тесном железном ангаре высотой в полтора человеческих роста не было ни единого окна. На бетонном полу лежал тонкий слой пыли, а внутри стояла такая духота, что его неловкость, казалось, начала бродить в этом зное, превращаясь в тяжелую горечь.

— Ладно, будет тебе, — Лю Шэн с грохотом рванул вверх рольставни.

Полуденное солнце хлынуло внутрь, вытянув его тень на метры вперед. Он обернулся к напарнику:

— Пошли, покурим. Нечего из-за такой ерунды убиваться, оно того не стоит.

Чжао Мин понуро вышел следом. Он выудил из кармана измятую пачку дешевых мягких сигарет и протянул другу, предлагая взять первым. Тот отрицательно качнул головой и вытащил из нагрудного кармана рубашки пачку красных, в твердой упаковке.

— Кури эти.

Они стояли, привалившись к стене, окутанные сизым дымом.

Чжао Мин затянулся дорогой сигаретой, но та показалась ему слишком легкой, почти пустой — не то что его привычный крепкий табак. Дым пролетал сквозь легкие, не оставляя и следа. Словно в нем совсем не было веса, как и в самой городской жизни: небоскребы вокруг выглядели представительно, но всё это казалось мужчине каким-то ненастоящим.

Он щурился на далекие высоты сквозь дымную пелену, и мысли невольно уплыли к родному дому.

В их деревне было несколько кирпичных заводов. В детстве Чжао Мин обожал сидеть у дороги, считая проезжающие грузовики и гадая, куда же везут все эти кирпичи. Лю Шэн был его односельчанином, на два года младше. Он учился лучше всех и стал единственным из всей деревни, кто сумел поступить в университет.

Он ясно помнил ту весну. Юноша только закончил смену на заводе и сидел на бетонном блоке у въезда в деревню, чистя арахис. И тут подкатил Лю Шэн на новенькой машине. На нем была белоснежная рубашка и солидный галстук — настоящий городской господин.

Тот всегда был для него примером. Односельчане твердили, что парень рожден для книг, но Чжао Мин видел в нем не только тягу к знаниям, но и железную волю. Когда они еще вместе учились в школе, он часто видел, как Лю Шэн зубрит учебники на току: читал, не поднимая головы, до самого заката.

В голове тогда промелькнула мысль:

«Какой же терпеливый человек, такой точно добьется своего»

Иногда Лю Шэн уставал и окликал его:

— Чжао Мин, послушай, я правильно выучил?!

Друг в учебе не смыслил ровным счетом ничего и лишь кивал, не понимая ни слова. Каждый раз, когда товарищ занимал первое место на экзаменах, он радовался за него так, словно в этой победе была и его частичка.

Позже, когда пришло время уезжать в университет, Лю Шэн зашел к ним домой на прощальный ужин. Мать Чжао Мина накрыла богатый стол, а гость тогда пообещал:

— Вот разбогатею и приглашу тебя в город, в самый лучший ресторан.

Хозяин дома лишь восторженно кивал.

В последующие годы Лю Шэн редко навещался домой. Тот весенний разговор стал их первой нормальной встречей за долгое время. К тому моменту Чжао Мин был женат уже три года. Его жена немного прихрамывала, но жили они душа в душу; каждое утро в обеденном лотке мужа под слоем риса обязательно лежало лишнее яйцо. У них подрастала дочка, и, скопив денег, они наконец пристроили к родовому дому новые комнаты.

Лю Шэн приехал в деревню на машине. Братья просидели несколько часов за бутылкой водки и горой жареного арахиса. Он рассказывал, что разводится с женой — мол, характерами не сошлись.

Чжао Мин не понимал: как же так? В его глазах друг был идеален, разве с таким можно не ужиться?

Потом Лю Шэн упомянул, что в городе его зовут на завод менеджером по продажам, но ему претит работать за копейки. Он твердил, что сейчас все покупают вещи через интернет, и логистика — это будущее.

Чжао Мин слушал, хлопая глазами:

— Сеть? Как это через сеть можно что-то купить?

Собеседник расхохотался, протянул другу сигарету и принялся объяснять тонкости интернет-торговли.

— Послушай, городским теперь лень ходить по рынкам. Скоро всё будут заказывать по сети, а значит, кто-то должен это доставлять.

Он качнул захмелевшей головой, сорвал травинку, зажал её в зубах и кивнул товарищу:

— На кирпичном заводе ты гроши получаешь. К тому же я знаю... нога невестки. В городе, в больших больницах, её наверняка смогут вылечить.

Чжао Мин перестал жевать. Он невольно кивнул — эта привычка была у него с детства: если Лю Шэн что-то говорил, он верил безоговорочно. В деревне болтали, что хромота жены — болезнь врожденная, но в уездной больнице так и не смогли поставить точный диагноз. Мысль

о городских врачах заставила его сердце екнуть, однако...

Он вытер руки о штаны.

— Так ведь... дом только построили...

— Да сколько стоит тот дом в деревне? — Лю Шэн прикурил новую сигарету. — В городе возможностей море. Глянь на меня: пара лет — и уже квартира, машина.

Он взмахнул рукой, и огонек сигареты прочертил в воздухе огненную дугу.

— Видишь? В городе теперь курят такие. Куда солиднее наших мягких пачек.

Чжао Мин тоже взял «солидную» сигарету. Вкус всё еще казался странным, но он кивнул:

— Да, хороша.

Когда он заговорил об этом с женой, та ничего не возразила. Она лишь погладила его ладонь и сказала, что человеку всегда нужно стремиться к лучшему.

На следующее утро Чжао Мин уволился с завода. Забрав жену и маленькую дочку, Чжао Дун, он вслед за другом отправился покорять город.

Они сняли комнату в рабочем поселке на окраине. Жили на втором этаже, а первый Лю Шэн арендовал под офис: один компьютер, два стула. Он целыми днями изучал рынок, в чем его товарищ ни черта не смыслил, поэтому просто сел за руль старого фургона и занялся доставкой. Часто они развозили заказы вместе. В их «золотом фургоне» правое окно не закрывалось до конца, и в эту щель круглый год свистел ветер, а двигатель то и дело глох, издавая предсмертные звуки.

Лю Шэн был непризнанным оратором, а Чжао Мин — его самым преданным слушателем. Тогда их машина была развалюхой, но она везла на себе тяжелый груз их общих мечтаний.

Волна интернет-покупок росла, конкурентов становилось всё больше, все лезли в логистику, и прибыль начала таять. Как-то среди ночи Лю Шэн в возбуждении позвонил Чжао Мину и велел спускаться.

— Быстрее! Я нащупал золотую жилу!

В офисе стоял сизый дым. Когда Чжао Мин вошел, его партнер нервно терзал в пальцах окурок.

— Ты прикинь: Цзянчэн далеко от моря, морепродукты здесь стоят бешеных денег. Если найти способ быстро возить их прямо с побережья... должен быть способ...

От возбуждения его глаза налились кровью. Он жадно затаился и вдруг с силой хлопнул себя по лбу:

— Холодовая цепь!

— Цепь? — Чжао Мин не понял, но привычно кивнул.

— Рефрижераторные перевозки! Сейчас все возят обычные посылки, но люди хотят покупать и свежие продукты, просто боятся, что по дороге всё протухнет!

Лю Шэн говорил взахлеб, выжывая новую сигарету:

— Технически это сложно, вложения на старте огромные.

Его глаза в полумраке лихорадочно блеснули.

— Но если мы это провернем, мы станем королями рынка! Да, надо делать!

Он грохнул ладонью по столу.

— Я продаю квартиру!

Чжао Мин понял главное и задал лишь один вопрос:

— Сколько нужно денег?

— Минимум два миллиона. Под лицензию я выбью в банке больше миллиона, квартира даст еще несколько сотен, остальное придется добирать по частям.

— Тогда я продам наш дом в деревне, — сказал Чжао Мин.

Лю Шэн оторопел:

— Ты серьезно? Это же наследство твоего отца.

— Ты ведь тоже продаешь жилье. Твои идеи никогда не подводили.

Собеседник в один шаг преодолел расстояние между ними и вцепился в плечи друга:

— Не сомневайся! Всё получится! Мы заживем как люди! У невестки будет огромный дом, а у Дундуна — лучшая школа!

Он с силой хлопнул партнера по спине, не в силах скрыть ликования. Чжао Мин кивнул еще увереннее.

В день оформления документов он один поехал в деревню. Мужчина сидел на пороге, курил и смотрел на землю, на которой прожил больше двадцати лет. На душе было тяжело, но в сердце теплилась робкая надежда. Ему казалось, что он — дерево, которое вырывают из родной почвы, и впереди лишь неизвестность.

За эти годы болезнь жены не отступала. В городской больнице наконец поставили диагноз: мышечная атрофия. Сказали, что это не лечится, можно лишь замедлить процесс.

Но Чжао Мин верил в глубине души:

«В городе много клиник, вдруг случится чудо?»

Когда пришел первый рефрижератор с документами, радости основателей компании не было предела. Но дни становились всё тяжелее. Свежие продукты — это не обычные посылки: один сломанный компрессор — и весь груз превращался в вонючую массу.

Лю Шэн ночами просиживал за компьютером в поисках клиентов, а Чжао Мин на своем продуваемом фургоне мотался по самым дешевым мастерским, пытаясь починить технику. Жене становилось хуже. Руки и ноги каменели с каждым днем, пока она окончательно не потеряла способность ходить.

В то время он страшно осунулся. Днем мужчина крутил баранку, а ночью ухаживал за супругой. Атрофия начала подбираться к дыханию, деньги утекали рекой. Всё, что осталось от продажи дома, ушло на лекарства и больничные счета. Хорошо хоть родители Лю Шэна забрали к себе Лю Цая и Чжао Дун, чтобы дети не видели этих мучений.

Чжао Мин был безмерно благодарен другу за это. Лю Шэн всегда обрывал его:

— Мы братья, дети у нас общие.

От этих слов теплело на сердце, и он лишь тяжело кивал.

Лю Шэну тоже приходилось несладко. Продав квартиру, он жил в комнате вместе с семьей товарища. Бизнес только зарождался, цены на перевозки заирать было нельзя, а топливо и

запчасти дорожали. Он часто в унынии сидел у склада, обхватив голову руками и дымя сигаретой, но, завидев друга, всегда улыбался:

— Скоро прорвемся!

Он не ошибся. Перелом наступил через два года, но жена Чжао Мина не дожидая этого дня — она скончалась зимним утром.

В тот день мужчина только вернулся из рейса и встретил друга у склада. Они привычно закурили, привалившись к стене, прикидывая прибыль с заказа. Именно тогда раздался звонок из больницы.

Когда Чжао Мин вбежал в палату, всё уже было кончено. Жена лежала неподвижно, она не могла пошевелить даже пальцем, но глаза её были открыты. Он сжал её ладонь, хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. У простых, молчаливых людей горе не имеет голоса. Он прижал её холодную руку к своим глазам; он не умел говорить красиво, не мог облечь свою боль в слова.

Ему хотелось сказать, как сильно он её любил, но перед лицом смерти это уже не имело смысла. Спустя долгое время он смог выдать лишь одно:

— Прости.

Она ушла тихо, и муж горевал так же тихо. Он часами сидел у морга, выкуривая одну сигарету за другой. Лю Шэн мерил шагами коридор, коря себя:

— Это я должен был ехать в рейс сегодня, я! Эх!

Чжао Мин лишь махнул рукой. Он не винил друга. Он винил только себя за то, что в погоне за деньгами почти не видел жену в её последние дни. Он вспоминал, как обещал ей побыть рядом, когда «немного освободится», но это «немного» так и не наступило.

— Поплачь, не держи в себе, — сказал Лю Шэн.

Вдовец по привычке кивнул, но не смог издать ни звука. Он помнил, какой она была, когда только вошла в их дом: ловкая, хозяйственная, в комнатах всегда было чисто. Даже когда ноги начали отказывать, она до последнего старалась готовить и стирать для него.

Теперь её не стало, и в душе Чжао Мина образовалась пустота. Один кусок вырвали, когда он уехал из деревни, второй — теперь. Он чувствовал, как будущее размывается, словно он окончательно потерял свою колею. Это чувство безвестности пугало его, и он с еще большим остервенением бросился в работу, помогая другу поднимать компанию.

Прошло несколько лет, и фирма обрела солидность. Чжао Мин купил квартиру в городе, Чжао Дун и Лю Цай пошли в одну школу. Бизнес расширялся, в компанию нанимали выпускников университетов, создавали отделы.

Лю Шэн, смеясь, хлопал друга по плечу:

— Видишь? Ну и что, что ты не учился? Теперь эти книжники вкалывают на тебя!

Чжао Мин не чувствовал радости, но послушно кивал.

Дела требовали банкетов и встреч. Его партнер облачился в заказные костюмы, сменив полотенце на шее на дорогой шарф. У него был подвешен язык, он умел говорить красиво и всегда знал, как расположить к себе нужного человека. Чжао Мин ходил на эти приемы вместе с ним и среди звона бокалов чувствовал себя лишним. Когда Лю Шэн травил анекдоты, и все за столом покатывались со смеху, он тоже улыбался, но как-то натянуто.

— Слишком ты прямолинейный, — часто поучал его Лю Шэн. — В бизнесе нужно уметь крутиться.

Мужчина лишь молча дымил сигаретой.

На одной презентации, когда Лю Шэн вдохновенно вещал: «Команда основателей нашей компании — это настоящие профессионалы...», Чжао Мин вдруг громко чихнул. В зале на миг воцарилась тишина. Он, неловко улыбаясь, начал извиняться и по привычке потянулся вытереть руку о штаны, но вовремя вспомнил про костюм. Он лишь смущенно кивал, не зная, куда деться.

Директор, натянув дежурную улыбку, представил его:

— А это один из наших руководителей.

На обратном пути Лю Шэн молчал, глядя в окно. В душе его крепло глухое раздражение. За столько лет этот человек так и остался деревенщиной, не способной усвоить даже элементарных правил приличия. Старый друг стал казаться ему чужим; та простота, что когда-то трогала сердце, теперь вызывала лишь брезгливость.

Спустя несколько дней Лю Шэн организовал встречу в роскошном отеле. Он заметно нервничал и несколько раз велел Чжао Мину одеться «прилично». Один только ужин стоил восемьдесят тысяч — он редко бывал так расточителен. На вопросы партнера он лишь отмахивался:

— Не твое дело. Просто сиди тихо и помалкивай.

Вскоре в кабинет вошел солидный мужчина. Лю Шэн расплылся в подобострастной улыбке:

— Господин Сунь, для меня большая честь, что вы пришли.

Гость не стал ходить вокруг да около:

— Господин Лю, ваша «Сяньма» делает успехи. Мы хотим войти в долю. Разумеется, это откроет вам двери к общенациональной сети логистики.

У владельца компании загорелись глаза. Чжао Мин тоже понимал: это шанс, которого они ждали всю жизнь. Но господин Сунь продолжил:

— Однако для моего участия вам придется изменить структуру акционерного капитала. А вот насколько — зависит от вашей готовности идти навстречу.

Весь вечер Лю Шэн блистал красноречием, рассуждая о капиталовложениях. Чжао Мин сидел рядом, словно истукан. Он слушал, как друг вдохновенно вещает об истории их успеха, и не услышал в этом рассказе ни единого слова о себе.

Когда гость ушел, Лю Шэн долго молчал, выкурив три сигареты подряд, прежде чем заговорить:

— Чжао Мин, тут такое дело...

— Говори как есть, — тот достал свою дешевую сигарету и уставился на неоновые огни за окном.

— Суню нужен большой процент. Наши доли придется размыть. Но ты же понимаешь, всё управление и связи на мне, так что... — Предприниматель тщательно подбирал слова. — Но поверь, с таким гигантом за спиной наш бизнес выйдет на новый уровень.

Закон джунглей гласит: этот мир перемалывает людей вместе с костями. И честные работяги первыми идут в расход. Лю Шэн на словах извинялся, но в уме уже всё просчитал: пожертвовать этим простаком — самый короткий путь к наживе. Когда эта мысль только зародилась, ему было не по себе, но он быстро нашел оправдание. Он дал Чжао Мину сорок пять процентов акций в благодарность за помощь на старте, но за все эти годы тот не принимал участия в управлении. Всё тащил на себе директор, пока Чжао Мин просто молчал и получал прибыль. Это было несправедливо.

Лю Шэн убедил себя: у друга должно быть чувство собственного достоинства, он поймет и сам отступит. Но Чжао Мин после долгого молчания спросил:

— Насколько ты хочешь меня подвинуть?

Раньше он просто кивал, и эта непривычная дотошность заставила Лю Шэна вздрогнуть.

— Твою долю нужно снизить до пятнадцати процентов.

Чжао Мин прикурил еще одну. Раньше он всегда предлагал первую сигарету другу, но не в этот раз. Он глубоко затянулся:

— Ты ведь давно это решил, верно?

Лю Шэн перешел на тон деловых переговоров:

— Чжао Мин, не надо этих драм. Если ты категорически против, мы...

— Лю Шэн, — перебил его товарищ. — Я знаю, ты всё решил. Если бы ты действительно считал меня братом, ты бы не молчал обо мне за этим столом.

Это прямое обвинение застало предпринимателя врасплох, и он взорвался:

— Что ты несешь?! Ты меня еще и винить вздумал?!

— На самом деле... — Чжао Мин затушил окурок. Он долго думал об этом и, кажется, начал понимать. — Тогда ты сказал, что тебе нужен помощник, и я поехал за тобой. Я верил, что ты пробивной и умный, что ты добьешься успеха. Но я... я никогда не стремился к большим деньгам. Мне просто хотелось жить по-человечески.

Мужчина посмотрел другу в глаза:

— Я отдам тебе свои акции. Мне привычнее крутить баранку и возить грузы. Я простой человек, у меня нет твоего ума. В управлении и банкетах от меня нет толку.

— Что?! — Лю Шэн вскочил. — Ты хоть понимаешь, какой сейчас момент?! Мы выходим на всю страну! Забрать долю? Ты знаешь, сколько сейчас стоят наши акции? Я из кожи вон лезу, чтобы найти деньги на развитие, а ты решил уйти?! Ты бы еще бутылкой меня по голове огрел!

— Я...

— Ты хоть представляешь, сколько людей шепчутся у меня за спиной? Называют меня идиотом за то, что я отдал половину компании тебе, человеку, который ничего не делает! Знаешь, какое давление я выдерживаю?!

Он в ярости метался по комнате, тыча пальцем в сторону друга.

— И ты теперь злишься? С какой стати?! Ты думаешь, это я хотел тебя подвинуть? Это условие Суня! И когда у нас наконец появился шанс, ты решил бросить весла!

Чжао Мин не злился. Он просто не мог взять в толк, почему его друг так вскипел.

— Они называют тебя балластом! Говорят, ты не стоишь этих акций, а я, черт возьми, никогда их не слушал! — Лю Шэн процедил это сквозь зубы. — И теперь твой уход просто выставит меня на посмешище!

Собеседник слушал, опустив голову. Он снова хотел кивнуть, но на этот раз сдержался. Когда Лю Шэн выдохся и сел, между ними повисло тяжелое молчание. Тишина после ссоры была невыносимее самой ругани. Чжао Мин снова потянулся за сигаретой, помедлил и протянул её другу. На этот раз тот не взял.

— Тебе настолько плевать на компанию? Ты же ради неё родовое гнездо продал.

Мужчина сунул сигарету в рот и покачал головой:

— Просто я не на своем месте.

— Чушь! — Лю Шэн грохнул по столу. — Ты просто обиделся, что я не упомянул тебя в рассказе! Чжао Мин, Сунь дает деньги под моё имя! Я не хотел, чтобы ты лебезил перед ними, я сам взял на себя всю эту грязную работу, а ты теперь меня же и попрекаешь?!

Тот молчал. Он вспомнил, как раньше Лю Шэн всегда говорил: «Брат, я за тебя горой».

— Ладно, хорошо, — Лю Шэн рванул узел галстука и присосался к бутылке вина. Сделав пару глотков, он с грохотом швырнул бутылку в стену. — Хочешь уходить — уходи! Пусть все видят, какой ты неблагодарный!

Чжао Мину стало не по себе.

— Я не уйду, — тихо проговорил он спустя время. — Дели акции, как считаешь нужным.

С того дня всё изменилось.

Чжао Мин по-прежнему исправно приходил на склад, проверял товар и распределял рейсы. Лю

Шэн засел в офисе, верша судьбы компании. Они почти не виделись, а когда встречались — разговор не клеился. Его перестали звать на совещания, в которых он всё равно ничего не понимал. А тот и сам перестал пытаться что-то сказать. Жизнь вроде бы вернулась в прежнее русло, но между ними пролегла невидимая трещина.

С деньгами господина Суня «Сяньма» начала расти как на дрожжах. За три года компания переехала из старого здания в сверкающий небоскреб в центре города. Когда Чжао Мин впервые зашел в лифт новой высотки, он оказался там один. Увидев свое отражение в зеркальных панелях — человек в рабочей робе, — он почувствовал себя лишним в этом блеске. Но его это не задевало; жизнь казалась ему вполне сносной.

Единственной ниточкой между семьями остались дети. Лю Цай и Чжао Дун росли вместе и были очень дружны. Лю Цай пошел в отца — бойкий и предприимчивый, а Дундун прилежно училась и была на редкость рассудительной. Для Чжао Мина этого было достаточно. В новом офисе у него был свой кабинет, сотрудников становилось всё больше — сплошь выпускники престижных вузов, такие же умные, умеющие красиво говорить.

Но он почти не бывал в новом здании. Всё время проводил на складах, разгружая машины вместе с рабочими, а по выходным возил детей в горы или на рыбалку. Мужчине нужно было немного: чтобы дочка была здорова и чтобы Лю Шэн преуспевал.

Но беда пришла откуда не ждали.

Когда позвонила классная руководительница, Чжао Мин принимал товар. Дочка упала в обморок на физкультуре. В больнице он увидел её — бледную, с застывшими конечностями. Точь-в-точь как её мать много лет назад...

Врач сказал:

— Это наследственное.

Отец лишь кивнул:

— Я знаю. Жена от этого и сгорела.

Но врач добавил, что состояние Чжао Дун критическое: начались признаки дыхательной недостаточности. На этот раз мужчина не кивнул. Он лишь тихо проговорил:

— С женой было иначе.

Он долго стоял в коридоре, прежде чем взять диагностическую карту. Врач упомянул новое лекарство — вылечить не вылечит, но может остановить атрофию. Только цена заоблачная: один укол стоил десятки тысяч.

Дома Чжао Мин перерыл все шкафы и пересчитал сберкнижки. За эти годы он почти не тратился, но на такое дорогое лечение накопленного явно не хватало. На следующий день он пошел в офис к Лю Шэну. Тот не поднимал головы от бумаг:

— Что случилось?

Друг положил на стол заключение врачей.

— Дундун... у неё та же болезнь, что и у матери.

— Что? — Лю Шэн вскинулся, пробежал глазами текст. — Вот ведь незадача.

Чжао Мин невольно сжал кулаки:

— Это наследственное.

Он не раз говорил об этом другу раньше, и тот даже утешал его: «Не бойся, не факт, что проявится. Если что — я рядом». Но сейчас, глядя на цену лечения, тот лишь хмурился.

— Лю Шэн, — позвал Чжао Мин. — Мои акции...

— Исключено! — Лю Шэн бросил бумаги на стол. — Компания сейчас на подъеме, твои акции в доле основателей, их нельзя трогать.

Он вздохнул.

— Вот что: я выпишу тебе авансом триста тысяч. — И, не давая товарищу вставить ни слова, добавил: — Но сейчас с наличностью туго, так что напиши-ка мне расписку.

Мужчина долго смотрел на него, а потом коротко выдохнул:

— Хорошо.

Он согнулся над столом, выводя строчки расписки. Лю Шэн сидел напротив, глядя на диагноз, и чувствовал лишь раздражение. Он вел переговоры с крупными клиентами, гора бумаг на столе была выше головы, а этот Чжао Мин чуть что — сразу лезет за деньгами, пытаясь дербанить акции. Никакого роста, за столько лет — всё та же ограниченность!

Чековая книжка предпринимателя лежала в ящике под рукой; вчера он выписал больше миллиона за новую машину, но просто так отдавать деньги другу ему не хотелось. Все эти годы тот лишь числился в штате, пока управленцы за спиной директора шептались, называя его

«слишком жалостливым». Поэтому он заставил друга писать расписку. Глядя на его застывшее лицо, Лю Шэн в душе холодно усмехался. О чем тут раздумывать? Теперь они крупный бизнес, а не мелкая лавочка. И если Чжао Мин не способен сделать так, чтобы его доля приносила плоды, то почему он должен кланяться помощи у всех подряд?

В этот миг Лю Шэн окончательно понял: он говорит не с другом. Чжао Мин был плохим деловым партнером и балластом, тянущим компанию на дно. Просто кусок бесполезной глины.

Нерешительность товарища так вывела его из себя, что он велел ассистенту передать: денег нет. Чжао Мин ждал два дня, и лишь после третьего звонка друг нехотя перевел сумму.

В больнице от света люминесцентных ламп у него резало глаза. Мужчина сидел у постели дочери, пытаясь вникнуть в финансовые термины из отчетов, но слова казались ему абракадаброй. Он закончил лишь среднюю школу и теперь с трудом разбирал по буквам: «Коэффициент финансового леввериджа...»

Чжао Мин распродал всё имущество, но денег всё равно не хватило даже на пятый этап лечения. Прошло полгода, девочка таяла на глазах. Одноклассники изредка навещали её, а Лю Цай прибегал каждую свободную минуту. Он был замечательным мальчиком: уверял Дундун, что она поправится, и просил дядю Чжао не волноваться. Лю Цай не знал о делах взрослых; для него тот был вторым отцом.

В конце концов Чжао Мин снова пришел к дверям кабинета старого друга. Сминая в руках готовую расписку, он два часа прождал в коридоре, пока закончится совещание.

— Господин Чжао всё еще здесь? — проходящие мимо сотрудники бросали колкие взгляды. — Такой крупный акционер — и подпирает стенку?

Он безучастно кивал. Вышедший Лю Шэн так и вспыхнул гневом:

— Опять за деньгами? Иди в бухгалтерию, пусть выпишут.

Директор сделал вид, что не заметил покрасневших глаз друга. Он всего добился сам, с нуля. А этот взрослый мужик только и умеет, что кланяться и кланяться. Вся компания знает, какая обуза висит на шее руководителя! Чжао Мин позорится, и Лю Шэн позорится вместе с ним! «Сяньма» — его детище, он его выстрадал и никому ничего не должен.

Эта мысль, возникнув, разрослась как сорная трава. В кабинете было полно грамот и фотографий, но ни на одной не было Чжао Мина. Его партнер вспоминал всё: как он лебезил на банкетах, как ночами чертил планы, как унижался перед нужными людьми... А что Чжао Мин? Только баранку крутил да кивал. А столкнулся с бедой — и сразу раскис. Ничтожество.

Осознав это, Лю Шэн почувствовал, как утихает мучительная совесть и уходит вина.

Чжао Мин днями напролет просиживал в больнице, оцепенело глядя на цифры на мониторах. В его душе кипела обида и ненависть. Он помнил брезгливый взгляд Лю Шэна в кожаном кресле; он чувствовал эту скрытую неприязнь, но заставлял себя не замечать её. Он ненавидел себя за беспомощность.

Он вспомнил, как радовался, когда приехал в Цзянчэн, как гордился тем, что помогает товарищу. Но этот город оказался местом, где не выжить человеку: жены нет, дочку тоже не спасти. Ярость захлестнула его. Ему захотелось отомстить. За годы совместной работы он знал немало темных дел Лю Шэна — тех грязных схем, что не любят света. Он мог пойти в газеты, мог заявить в полицию...

Зазвонил телефон.

— Дядя! — это был голос Лю Цая. — Я купил Дундун платье, её любимое, нежно-голубое. Но я сейчас на стажировке в другом городе, не могу приехать. Вернусь — сразу привезу!

Чжао Мин сжимал трубку, не в силах вымолвить ни слова.

— Дядя? Дядя Чжао, ты слышишь?

— Слышу, — выговорил он. — Сяо Цай, ты хороший мальчик.

Повесив трубку, мужчина долго смотрел на дочь.

— Ну и пусть, — прошептал он сам себе.

Чжао Дун скончалась через двенадцать дней от острой сердечной недостаточности. Деньги, ради которых отец растоптал свою гордость, не смогли остановить болезнь. Очередное туманное утро. Сначала жена, потом дочь — он не смог уберечь никого.

Он вышел из больницы. Дождь кончился, оставив мир тонуть в сырости. Ноги сами привели его к заброшенной стройке. Мужчина этаж за этажом поднимался по черной лестнице. Восемнадцатый. Отсюда город казался морем огней.

Чжао Мин вспомнил свою жену, какой увидел её впервые у завода. Тетушка-соседка привела её знакомиться, и улыбка у девушки была такой сладкой. А потом родилась Дундун, которая больше всего на свете любила забираться к отцу на шею. Как же он по ним скучал.

Он был никудышным мужем и плохим отцом. Все эти годы он искал свою колею, а теперь у него ничего не осталось. Внизу, во дворе, какая-то парочка свидальничала в тени. Он встал на самом краю крыши и прикурил мягкую сигарету. Город сиял, расстилаясь перед ним во всем своем фальшивом блеске.

Лю Шэн сидел в окружении дорогих вещей, бездумно глядя в пустоту сквозь табачный дым.

— Серьезно, господин Лю, — его собеседник поставил бокал. — Этот ваш старый приятель совсем не к месту. Акционер такой громадины, а ни управлять не умеет, ни слова сказать. Вечно в своей робе, словно автомеханик.

— Вот именно, только и знает, что кланяться да баранку крутить. Недавно так опозорился в офисе, бегал по этажам, деньги клянчил...

Бокал с размаху ударился о стол, вино брызнуло на скатерть, словно кровь.

— Заткнитесь все! — Директор вскочил. — Вы хоть раз ночевали на ледяном складе в дырявом фургоне?! Вы знаете, кто тогда чинил машины?! Механик, говорите? Да этот «механик» в сто раз лучше вас всех!

Раньше, если кто-то подкалывал Чжао Мина, тот всегда улыбался. Что на него нашло сегодня? В кабинете воцарилась гробовая тишина.

— Думаете, эта компания с неба свалилась?! Если бы не Чжао Мин, я бы даже первый фургон купить не смог!

Лицо Лю Шэна багровело — то ли от гнева, то ли от выпитого. Он кричал всё громче, но на душе по-прежнему было паршиво. Он и сам не понимал, кого костит: их или самого себя. Выплеснув ярость, мужчина пробормотал, что перепил, и, пошатываясь, вышел из ресторана.

Сев в машину, он не мог успокоиться. Гнев требовал выхода, и он набрал номер друга.

— Чжао Мин! Ты что себе позволяешь?! Неделю не показываешься в офисе, возомнил о себе невесть что? Тут за твоей спиной гадости говорят, я за тебя глотку рву, а ты просто спрятался и молчишь?!

В трубке была пугающая тишина, лишь едва слышное дыхание.

— Говори! — Лю Шэн тяжело дышал от ярости.

— Я наверху, — тихо отозвался голос.

— Где наверху? — не понял звонивший.

— Дундун больше нет.

Тот замер.

— Что ты несешь? В смысле — нет?

— Умерла сегодня утром, — ответ был пугающе спокойным.

— Не может быть! — Лю Шэн дернулся, ударившись головой о крышу машины, но даже не заметил боли. Он судорожно пытался опровергнуть эту весть: — У невестки болезнь длилась годами! Дундун только зимой слегла, не могло всё так быстро закончиться! Ты...

Он осекся. Мужчина вспомнил, как Чжао Мин впервые пришел просить денег. Тогда он подумал, что на первых порах ничего страшного не случится, можно подождать, пока у компании закончатся проблемы с обороткой. Он даже посмеивался над другом, считая, что тот сгущает краски и просто выпрашивает милостыню.

Говорил ли Чжао Мин, что всё серьезно? В памяти всплыло: да, говорил. Но его партнер был уверен, что болезнь не убивает так быстро.

— Не может быть! — рука, сжимавшая телефон, задрожала. — Чжао Мин, ты что, ради денег решил такой ложью бросаться?!

— Лю Шэн, — послышалось на том конце. Друг, кажется, затянулся сигаретой и долго выпускал дым. — Я ненавижу тебя. Правда, ненавижу. В тот день, когда ты на меня даже не взглянул, я сжимал кулаки так, что зубы едва не раскрошились.

Он замолчал, снова послышался шум затяжки.

— И себя я тоже ненавижу. За то, что такой бесполезный. Я с детства не был приспособлен к наукам, правда, я не самый умный. Акции, отчеты... я не то чтобы не хотел в них разбираться. Я пытался, даже к тебе приходил с вопросами.

У Лю Шэна перехватило дыхание. Он вспомнил. Это было в прошлом году: Чжао Мин пришел со стопкой отчетов, просил объяснить пару моментов. А он спешил на банкет и раздраженно бросил: «У тебя под началом целая компания спецов, их и спрашивай. Раньше надо было учиться, теперь недосуг. Иди лучше фургоны проверяй, не лезь не в свое дело».

После этого Чжао Мин больше не спрашивал.

— Глупый я человек, — продолжал тот на том конце. — Всегда думал: работать с тобой — это уже хорошо. Ты способный, а я за тебя радуюсь. Нет во мне большой корысти, честно. Не хотел

я быть богачом, правда. И я знаю, как ты меня презирал. Иногда я и сам себя презирал. Жены нет, теперь и ребенка нет.

В его голосе прозвучало странное облегчение:

— Но знаешь, Лю Шэн, я в тебе не ошибся. Когда ты на току учебники зубрил, когда на машине в деревню приехал и говорил о великих делах... Я тогда сразу понял: ты добьешься своего.

— О чем ты болтаешь?! — Лю Шэна охватила паника. — Ты где?!

— Я всё сказал.

Чжао Мин положил трубку и выпустил последнее облачко дыма. Внизу та парочка включила фонарики на телефонах, собираясь зайти в здание. Он крикнул им что-то и шагнул в пустоту.

Его последними словами в этом мире были:

— Поберегитесь!

Глухой удар, словно что-то лопнуло. Парочка внизу сначала не поняла, что произошло, но, когда свет упал на асфальт, оба истошно закричали.

Подбежал хмельной охранник. Увидев изуродованное тело, он мгновенно протрезвел. Первым делом мужчина достал телефон — не в полицию звонить, а хозяину. Эта стройка и так стояла из-за вечных проблем с документами, а если теперь здесь найдут труп — всё пропало. К тому же работа охранника на таком объекте — место хлебное, терять его не хотелось.

Эта земля принадлежала Мэн Чжиго. Когда тот приехал на место, он оторопел, увидев рабочую робу погибшего. Разве это не директор Чжао из «Сяньма»? Он помнил его по банкетам — всегда в углу, молчаливый, как дерево. Мэн Чжиго быстро прикинул риски и набрал номер Лю Шэна.

В час ночи Лю Шэн приехал. Он увидел то, что осталось от старого друга. Тот всё еще был в своей застиранной рабочей форме. При жизни он был тихим, как дерево, и умер так же — даже кровь послушно застыла под телом. Он замороженно смотрел на него, не в силах отвести глаз или вымолвить слово.

Мэн Чжиго, решив, что тот просто в шоке, напомнил:

— Господин Лю, ваша компания ведь хочет заняться недвижимкой? А моё здание вот-вот должно пойти в дело. Думаю, труп в фундаменте не нужен ни мне, ни вам.

— Не беспокойся, — услышал Лю Шэн собственный голос. — Я всё улажу. Чисто и тихо.

— Плати, — бросил он Мэн Чжиго. — Охраннику и очевидцам — по пятьсот тысяч за молчание. Договоры подготовим.

Он велел телохранителям подогнать рефрижератор.

— Уберите всё. Быстро.

Но стоило ему произнести эти слова, как желудок скрутило спазмом. Ему вдруг вспомнилось, как в самом начале пути он не раз обещал другу: «Не дрейфь, брат, я всё улажу».

Когда фургон тронулся, Лю Шэна била дрожь. Тело Чжао Мина лежало рядом. Это была одна из их самых первых машин, купленная на деньги от продажи родового дома в деревне. На двери всё еще виднелась вмятина — это тот самый случай, когда они врезались в ограждение, спеша доставить заказ. Друг тогда хотел всё возместить, а Лю Шэн лишь смеялся: «Брось, мы же братья».

Теперь эта машина везла его труп. Они нашли глухое место в горах, у озера. Телохранители, хоть и были ребятами тертыми, занервничали:

— Босс... сейчас... резать?

Директор кивнул и отвернулся. Он отчетливо слышал звуки за спиной. Он достал сигарету, пытаясь унять дрожь, но пальцы не слушались, зажигалка никак не давала огня. У него была та самая «солидная» сигарета в твердой пачке. Чжао Мин говорил, что они ненастоящие. Теперь он и сам это чувствовал. Всего несколько часов назад он говорил с этим человеком, а теперь тот рассыпался на куски в этом мире.

К рассвету всё было кончено. Чемоданы с грузом один за другим ушли под воду. Рябь утихла быстро, словно ничего и не было. Лю Шэн пустил слух, что Чжао Мин пропал. Подали заявление в полицию, поизображали поиски несколько дней... Тот был одиночкой, ни жены, ни дочери не осталось, так что всерьез искать его никто не стал.

С той ночи Лю Шэна преследовали кошмары. Ему снился старый друг, чистящий арахис у дороги; Чжао Мин, утирающий слезы у морга; Чжао Мин, кланчащий деньги в офисе.

А через два месяца кошмар ворвался в реальность. Лю Цай позвонил отцу из горного похода: он рыбачил и выловил чемодан с останками. Когда директор примчался на место, сын был сам не свой. Его первыми словами были:

— Папа, папа! Я видел дядю Чжао!

Он твердил, словно в бреду, что видел его прямо на озерной глади — промокшего до нитки. Сам погибший так и не понял, что такое мир иной. Он дрейфовал в пустоте, порой слыша голоса жены и дочки. Он пытался бежать на этот зов, но всякий раз, когда почти касался света, невидимые пути тянули его назад. Он чувствовал ледяную тишину воды и вязкий ил, не дававший пошевелиться. Ему хотелось вырваться, но тело было разбито, сил не осталось — он не мог выбраться из этого озера.

Спустя вечность до него донеслись крики, и он вновь увидел свет. Сквозь марево дух разглядел мальчика. Чжао Мин очень спешил, он хотел к своим, и потому обратился к Лю Цаю. Он говорил долго, но слова рассыпались, не находя опоры. Душа спросила:

— Сяо Цай... ты можешь попросить папу... меня собрать?

— Папа! Дядя Чжао просил... просил, чтобы ты его собрал! — рыдал Лю Цай. — Папа, ты не можешь так!

Сын преградил путь отцу:

— Что ты сделал? Что ты сотворил с дядей Чжао?!

Лю Шэн плохо помнил те дни. Он решил, что Чжао Мин обезумел и решил известить его сына.

— Что ты несешь?! Призраков не бывает!

Страх и ярость боролись в нем. Через Мэн Чжиго он вышел на организацию под названием «Сань Юэ» и Чунь Сяосюэ. Та сказала, что развеять душу просто: нужно достать останки, заморозить их, а когда дух ослабнет — сжечь прах. Он повиновался. Мужчина велел снова достать чемоданы из озера.

В тот день над водой стоял странный туман. Чемоданы поднимали один за другим, сквозь швы сочилась черная, зловонная вода. Директор смотрел, как пакеты грузят в машину, и не мог унять дрожь в руках, пряча их в карманы.

— Везите на старый склад, — бросил он.

Это был их самый первый склад. Там еще пылился старый хлам — осколки их прошлого. Пакеты выложили для ритуала, а потом снова спрятали в черный пластик. Пленка шла волнами перед глазами Лю Шэна. Гнев вспыхнул в нем, и он закричал в пустоту ангара:

— Убирайся! Хочешь, чтобы дочка жила? Я построю ей клинику! Только оставь моего сына в

покое!

Именно тогда всё окончательно пошло наперекосяк.

Лю Цай был на грани безумия. Он вырос у Чжао Мина на глазах, тот проводил с ним больше времени, чем родной отец. Дядя Чжао не умел красиво говорить, но рядом с ним всегда было тепло и спокойно. В тот день на озере юноша всего лишь хотел порыбачить в тишине, а выудил кошмар. Он еще не успел заглянуть внутрь чемодана, как увидел его: старый знакомый стоял прямо на воде. В лесу было пугающе тихо. Одежда на призраке была мокрой, он всё еще был в своей рабочей робе, и губы его шевелились, беззвучно произнося слова.

Юноша бросился к отцу:

— Как он умер? Папа... ты... ты убил его? Почему он в озере?! Как он мог...

Слово «разбиться» он так и не смог произнести.

Дорогаягалстук на шее Лю Шэна словно превратилась в удавку. Он рванул её, а в ушах всё стоял хруст костей, звуки ножа и гул рефрижератора... Вина и страх быстро сменились яростью. Он орал на сына:

— Тебе почудилось! Это бред!

Да, отец верил в это. Чжао Мин перед смертью наверняка проклял его, он просто не мог смириться с чужим успехом. Это он вцепился в Лю Цая. И раз Чунь Сяосюэ не справилась, он найдет других!

В настоящем.

На складе царила гробовая тишина.

Сегодня здесь был Чэнь Сы. Он использовал карманные часы Чэнь Буцы, чтобы помочь Чжао Мину обрести форму, а искусство Хэхэши позволило всем увидеть обрывки воспоминаний, оставшихся на костях.

Чжао Мин стоял перед собственными останками. Заклятие запрета души еще туманило разум призрака, и он механически повторял:

— Сяо Цай... помоги мне... попроси папу... собрать меня.

Присутствующие молча смотрели на тени прошлого. Воздух на складе стал тяжелым, дыхание — прерывистым, а кулаки сжались сами собой.

Чэнь Сы захлопнул крышку часов и покосился на Лю Шэна, чье лицо стало цвета сырой земли.

— Верность и честь чаще встретишь в лачугах...

Гу Цянь с нескрываемым отвращением закончил:

— ...а подлость и ложь — под шелками и в книгах.

Цзи Лююнь тоже не остался в стороне. Он смерил Лю Шэна взглядом и, не найдя подходящих книжных слов, просто и честно бросил:

— Тебе и впрямь гореть в аду.

Авторские примечания

<http://bllate.org/book/15848/1440153>